

Юрий АРБЕКОВ

г. Пенза

ЧЁРНЫЙ БАНЩИК

рассказ

*Каких только баек не слушаешься,
общаясь с мудрым деревенским людом!
О зверье, домашней живности,
о нечистой силе...*

*Кто-кто, а сельчане лучше других знают,
есть ли на свете домовые,
водяные, лешие...*

*С шутками-прибаутками поведает
вам рассказчик о том, что в городах
называют мистикой.*

*Возможно, и приврёт для красного словца,
но только малость, чтобы веселее было.
Всё остальное — истинная правда!*

1

В нашем селе, на самом краю, живёт чета Угловых — бывший колхозный конюх Семён Фомич и жена его Полина Алексеевна (Полюшка, как ласково зовёт её Фомич, когда мечтает опохмелиться). Она всю жизнь телятницей работала в колхозе.

А по соседству, «в шабрах», проживают Сычёвы — баба Глаша с дочкой Тamarой; у Томки малыш четырёхлетний, Дениска, а всего их, стало быть, трое.

Живут обе семьи небогато, но похвастаться есть чем и тем, и другим.

Предметом гордости Угловых является банька — не сказать, чтобы большая, но уютная, тёплая — сутки держит жар, не меньше! В субботу протопит её Семён Фомич, сам напарится до малиновой красно-

ты, потом женщины намоются, ребёнка испкупают, а наутро в воскресенье ещё и тепло в ней, и вода в котле горячая — стирайте что хошь, бабоньки!

У Сычих другая радость — цветной телевизор, доставшийся Томке на память от бывшего мужа. Лучшая память, конечно, — это Дениска, но и телевизор тоже ничего, плазменный. Экран большой, антенна высокая, так что показывает он гораздо лучше угловского, и когда идут любимые обеими семьями передачи про животных, баба Глаша открывает окно и кричит соседям:

— Поли-ина! Семё-он! Идидя крокодилов смотреть!

И старики, всю жизнь свою отдавшие домашней скотине, с жадным любопытством смотрят на заморскую живность.

— Ишь ты! Ишь, что творят! — приговаривают все трое, а Тамарка насмехается над ними:

— Дорвались до своей Африки — за уши не оттянешь.

— Так ведь страсти-то какие! — говорят старики, не отрываясь от экрана. — Загрызли зебру, ироды. Чтoб им подавиться!

— Зебру пожалели! — горько усмехается Тамара. — Да в нашем колхозе всё стадо председатель съел — и ничего, не подавился. Сейчас районом командует.

Все трое глубоко вздыхают. Богатый был колхоз!

Сегодняшняя пенсия у стариков — курам на смех, если что и выручает, так это огороды и домашняя скотина, птица.

В этом году сразу после Пасхи началась посевная страда. Слава богу, что огороды у сельчан пока не обрезали, хоть и грозили за неуплату каких-то сумасшедших кадастровых сборов. Старики крестились, ещё помнили те хрущёвские времена, когда вот так же пригрозили — да и сделали, отрезали по пол-огорода у каждого. И колхоз ничего не сеял на них, и колхозникам не разрешали. Заросли «отреза» бурьяном, с него семена летели по всей округе, но даже косить сорняк не велено было. Почему? — никто того не знал, но «всякая власть от Бога», а потому терпели и молчали.

Наступило лето, пора сенокосная. Чуть свет выходил из дому Семён Фомич, звенел косой-литовочкой по местным лужкам, пустырям, лесным полянкам. Не отставала от него крепкотелая, ладно сбитая Тамарка, так что и Полина, и баба Глаша едва поспевали за ними сено ворошить.

— Эх, годков бы мне поменьше! — вздыхал Фомич. — Сколько травы кругом пропадает!

Он помнил годы молодые, довоенные, когда село было большим, многолюдным, покосы делили строго, случалось, что и дрались на меже из-за клочка поляны... А сейчас? Коси — не хочу!

К концу сенокоса выдохлись все. У Тамарки на руках кровавые мозоли, у старика спина отнимается, у старух — ноги. Да тут ещё, как назло, Дениску пчела ужалила в лоб, всё личико у мальчика вспухло, коршун цыпленка унёс, кошка сычёвская пропала... Всё одно к одному.

— Все напасти к нашей Насте! — невесело шутил старик. — А это потому, девки, что в бане мы давно не парились, вот что. Бабушка баня все печали обманет.

На следующий день была суббота. Дед Семён с утра позавтракал плотно, чтобы потом не отвлекаться, и отправился баню топить. В этот день он ничем другим уже не занимался.

Перво-наперво Фомич натаскал воды из пруда во все имеющиеся ёмкости: в большой котёл, вмурованный в печь, в кадушки и молочные фляги, стоявшие вдоль стены...

Затем настала очередь огня. Семён Фомич заранее припас еловых стружек, бересты, наложил сверху сухих ольховых дровишек, зажёт всё ловко, с одной спички, и прикроет дверцу. На первых порах появился дымок, не без этого, дровишки слегка постреляли, потрещали, но потом всё загудело ровно и мирно, будто большой добрый шмель забрался в кирпичную нору.

Теперь можно и отдохнуть, решил старик: печь сама своё дело знает. Он выбрался наружу, сел на порожек предбанника и потянулся, как старый кот на завалинке. До чего же жить хорошо, господи! Ведь всего и делов-то — баньку затопил, а как весело стало на душе! Напарится сегодня всласть, выпьет пару рю-

мок первача (после бани не выпить грех, это даже Поинка понимает), плотно поужинает и растянется на койке во всем чистом, глаженном: супруга никогда не даст ему мятую рубашку, аккуратная попалась старуха... Хотя какая же она была старуха, когда ему «попалась»? Девятнадцать годков было девке, самый цвет!

Старик подивился тому, как быстро проскочили полвека, и подумал: а ведь надо бы свадебку сыграть золотую. Глядишь, и повод будет собрать всех своих «бродяжек» — детей, внуков-правнуков... «Следующий раз соберутся, а ты и не увидишь, старый пенё!» — подначил он себя.

Фомич вздохнул глубоко и полез обратно в баню. Как раз вовремя явился: первые дрова прогорели, оставив после себя золотую россыпь угольного жара с синими огоньками там и тут.

Теперь старик совал в горячую глотку печи всё подряд: и коряжки, и поленья потолще. На такой жаре стогит любое!

Закрыв дверцу, он обернулся к выходу — и засмыл в восхищении. В солнечном проёме двери стояла Тамарка — русоволосая, босая, в одном лёгком ситцевом сарафанчике. Июньское солнце било из-за её спины так, что сарафан просвечивал насквозь, и казалось, будто нет на девке ничего, кроме солнечных лучей.

— Помочь, дядя Семён, или как? — спросила соседка, лениво потягиваясь.

«А пожалуй, что и нет ничего», — подумал он.

— Да всё уж, — ответил вслух. — Тебя или послал кто?

— Ну, — буркнула она и одернула свой короткий сарафанчик. — Иди путешественников смотреть, зовут тебя.

...Старик вошёл в горницу, когда глупенькая реклама сменилась зелёными ландшафтами Финляндии.

— Иди быстрее, про бани ихние говорят, — позвала баба Глаша.

— Ишь ты! — удивился Фомич. — Я — из бани, и тут тоже...

Присел на табурет и стал смотреть да слушать с большим вниманием, отмечая про себя каждую мелочь...

Любят финны париться, молодцы! На каждую семью по бане приходится. И даже есть такие,

которые по-чёрному топятся, но и те внутри чистые, добела отмытые — любо-дорого посмотреть!

Искренне позавидовал дед Семён большим дубовым кадушкам с прохладной водой, в которых финны отдыхают после парной. Заслушался, когда стали рассказывать легенду о духах-невидимках, «чёрных банщиках», которые живут, дескать, в каждой финской сауне.

— Наподобие наших домовых, только банные, — пояснил Фомич старухам.

«Не любит чёрный банщик, когда кто-нибудь моется слишком долго, у него время отнимает, — загробным голосом говорил ведущий. — Рассказывают, что одна нерадивая служанка отправилась в баню в поздний час, а наутро нашли её мёртвой. Лишь кожа да кости остались от бедняжки».

— Господи, прости! — перекрестилась Сычиха. — Страсти-то какие.

— Это я теперь и в нашу баню забоюсь идти, — отозвалась Полина, трусиха известная.

— Вот ещё! — ухмыльнулся дед. — Выдумки всё это.

— Как сказать, дедуля, — вмешалась Тамарка. — Учёные говорят, что всё на свете есть: и лешие, и домовые, и барабашки всякие. Только разглядеть их дано не каждому человеку.

На этот раз Фомич смолчал. Из всех четверых Томка была самая учёная: окончила десятилетку и бухгалтерские курсы, в сельпо работала... Да ведь и то сказать: а вдруг она права? Начнёшь насмехаться над нечистой силой, а она тебя возьмёт да накажет!

3

III Он вошёл в баню и всё думал об этом. Вспоминал разные случаи... Бывало, и в конюшню ночью вдруг вскинутся лошади, захрипят, затопчут копытами, начнут шарахаться в своих денниках... В чем дело? Кто их напугал? Зажжёт Фомич лампу, оглядится — нет никого. Только тень мелькнёт под крышей. То ли мышь летучая, то ли «ночной табунщик», «хозяин конюшни»...

Войдя в предбанник, Фомич невольно перекрестился, сплюнул трижды через левое плечо, постучал по дереву. Принял свои меры безопасности.

В бане стоял полумрак и тот особый жар, который дед называл «лёгким», еще не настоящим. «Настоящий» будет таиться в камнях-голышах, которыми была забита большая чугунная бочка между печкой и трубой. Старик подкинул ещё одно беремья дров и с удовольствием послушал, как загудел огонь, облизывая камни...

Вода в котле казалась той же, что была, но лёгкое волнение на её поверхности показывало, что теперь это — кипятилок, который принято называть крутым, до того он горяч.

Вот теперь можно «колдовать», решил Фомич. Из-под лавки он выкатил двухведёрную липовую кадушку, сполоснул её кипятком, бросил на дно пучок трав, стакан мёда не пожалел и всё это, ковшик за ковшиком, залил водой огневой. Закрыв плотно крышкой — тоже липовой, «своей» — и взялся за приборку. Порядок в бане всегда был морской, но перед самой помывкой бывший матрос ещё раз, начисто, споласкивал полки и лавки кипятком, придирчиво оглядывал пол: не закатился ли куда печной уголёк?

Долил холодной воды в котёл, кинул в печь ещё одну охапку дров — последнюю на сегодня — и приподнял крышку кадучечную. Оттуда пахнул такой аромат, что голова пошла кругом. Всё, что собирала его Поинка в саду, на луговинах и лесных полянках, отдало настою свой единственный неповторимый запах. Зверобой, душица, мята, иван-чай, смородиновый лист, липовый цвет, какие-то особые, ею лишь знаемые корешки, цветки и листья создали умопомрачительный букет, а луговой разнотравный мёд добавил свой сладковатый оттенок.

Старик зачерпнул из кадучки половинку ковша и плеснул на камни. Они сердито зашипели, и горячий ароматный пар вырвался наружу. Фомич присел, чтобы пар не обжёг, втянул в себя воздух и даже причмокнул от наслаждения:

— Райский запах!

Оставалось запарить веники. Они висели на чердаке, и старик, выйдя в предбанник, стал подниматься вверх по ступенькам шаткой лестницы.

Чердачок был низким, в полный рост не встать, и Фомич полез вдаль на четвереньках. Мало уже оставалось прошлогодних веников,

лишь в самом конце подложки, за трубой... Но ничего, скоро можно будет новые заготовить: в конце июня у берёзы самый крепкий лист.

Старик был почти у цели, когда странные звуки донеслись из полутьмы чердака. Кто-то зашуршал в листве, зашипел, запищал... «Чёрный банщик!» — мелькнуло в голове Фомича, и он шустро попятился назад, нащупал ногой ступеньку, кубарем скатился вниз.

Отдышавшись, старый матрос устыдил сам себя и поднялся по лестнице вновь, держа в руке длинную палку. Ею он подцепил пару веников и, чувствуя дрожь в ногах, потащил их к себе.

— Пш-ш-ш! — зашипел вновь «чёрный банщик», но на этот раз моряк довёл дело до конца.

В бане он внимательно оглядел все углы. Присутствия нечистой силы не ощущалось. Но припомнил слова соседской Томки — «разглядеть её не каждому дано» — и ещё раз суеверно перекрестился.

Впервые за многие годы баня не доставила ему той полноты ощущений, какая бывала прежде. Фомич и жару напустил дай боже, и отхлестал себя за милую душу, а всё одно: лезла в голову мысль о «чёрном банщике». Хоть ты лопни! Даже в самый благостный момент отдыха, когда лежал на лавке весь распаренный, расслабленный, умиротворённый, нет-нет да вроде как слышались наверху подозрительные звуки: писки, шорохи, шуршанье...

— Вы вот что... Не задерживайтесь там долго, — наказал старик супруге, когда пришла вторая смена — женщины с ребёнком.

— Это почему же? — сразу насторожилась жена.

— Да так... Знаю я вас. То да сё — развезёте до ночи, а мальчонке спать пора.

— Мы всегда подолгу мылись и ничего... А малец днём выспался, — возразила жена. — Что-то ты темнишь, Сёмка... Никак банный дух объявился?!

— Сама ты... нечистый дух, — обругал её Фомич. — Чёрт с вами, мойтесь сколько хотите. А я домой пойду.

— Ага! Пойдёт он... Сначала напугал до смерти, а потом в кусты?

— Да когда же я вас пугал?

— А только что.

Соседки вступились за старика:

— Это не он. Это телевизор нас «чёрным банщиком» застрашал, — пояснила баба Глаша.

— А ты оставайся, Семён Фомич, — невинно сказала Тамарка, снимая с сарафана пояснок. — Заодно попаришь нас.

— Дрыном тебя парить, бесстыжая! — беззлбно ругнулась мать.

Фомич махнул рукой, вышел из бани, но домой не пошёл. Сел на крылечко и стал караулить свой «колхоз». От кого и от чего, непонятно, но уйти совсем он посчитал делом, не достойным мужчины.

4

Был великолепный летний вечер. Солнце закатилось за горизонт, но совсем не ушло, подсвечивало высокие слоистые облака своими закатными лучами, и в небе творилось великое смешение красок. Нижний слой горел золотом, верхний пурпуром, а между ними ярко проступали синие полосы неба, всё более тёмные к востоку. Оттуда уже наступала матушка-ночь, поблёскивая сквозь синеву первыми робкими звёздами.

Стояла удивительная тишина, присущая этому времени года. Насвистевшись и накрывшись за весну, птицы сидели по гнёздам, грели под крылом своё потомство и старались не произвести ни шороха, поскольку и лиса свой выводок имеет, бродит голодная где-то рядом. Лишь рыба на пруду нет-нет да плеснёт хвостом, гоняясь за мальками.

Среди этой тишины отчётливо слышались голоса моющих. Бабоньки визжали, поддавая на камни духмяный настой, Дениска радостно вопил, купаясь в кадushке, — одним словом, весело было всем.

Старик глядел на небо, наблюдал, как уходит с него вечерняя заря, съёживается до узенькой красной полоски на горизонте, и думал о том, что вот так же съёживается наша жизнь на закате дней. Всё лучшее отгорело уже: и розовое детство, и солнечная юность, и знойная зрелость, и вечерние пурпурные годы. Осталась лишь узенькая полоска, отделяющая нас от смерти...

Странно, но в этот благодный вечер даже о ней, костлявой, думалось легко, без страха, как о долгожданном отдыхе, который, право же, заслужил старый конюх своим многолетним трудом. Скольких жеребят он принял — вынянчил на своём веку! Какие табуны гонял в ночное!

Вкатилась на небо полная луна, залила округу бледным светом, и Фомич подумал, что загробная жизнь должна быть, наверное, такой же: немножко сумеречной, немножко прохладной, но в целом благодной и спокойной, как эта тихая летняя ночь. Особым праведником старик себя не считал, но и злодеем не был, никого не убил, не ограбил, — почему бы не впустить его после смерти в такой вот благодный лунный рай?

Он размышлял об этом, когда счастливые распаренные старушки вышли наконец из бани, ведя за руки Дениску.

— Ты ещё здесь, отец? — спросила супруга.

— А куда же я денусь? — миролюбиво отозвался Фомич.

— Исстрадался, поди? Выпить хочется?

Удивительно, но как раз об этом и не думал сейчас Семён Фомич. Совсем другие, возвышенные мысли блуждали в его голове.

— Спасибо за баньку, сосед, — поклонилась Сычиха. — Уж до того славно попарились — слов нет!

— Ну и гоже... Малец не устал?

— Чуть было не уснул в своей кадushке. А вылазить ни в какую не хочет!

— Моряк будет! — одобрил старый матрос. — Любит воду, шельмец.

За разговором они шли потихоньку в гору, к своим домам, то и дело останавливаясь и поджидая Тамарку. Она, как всегда, оставалась последней: прибирала за всеми.

— Тихо-то как! — сказала Полина. — Божья благодать!

И договорить не успела, как ночную тишину прорезал истошный Томкин вопль:

— Чёрный банщик! Чёрный банщик!

Она пронеслась мимо них в чём мать родила, подхватила на ходу Дениску и умчалась в ночную тьму, к дому.

— О, господи! — испугались старушки и потрусили следом.

На что Фомич был не робкого десятка, но и он

прибавил шаг, нет-нет да оглядываясь на белеющую внизу баньку. Что за напасть вдруг объявилась в их тихом, богопослушном уголке?

5

Собрались у Сычих. Уложили спать Дениску, а сами уселись за стол, смотрят на Тамарку.

— Ну?.. Чего было-то, дочка?

Молодка уже набросила на голое тело тёплый халат, кутаясь в него не столько от холода, сколько от страха.

— Сама не знаю, маманя. Ушли вы, я прибраться начала, Денискины игрушки собирать... Вдруг наверху ка-ак зашуршит, ка-ак зашипит! Ещё и пищит при этом! Вспомнила я про служанку, которую чёрный банщик убил, и дёру оттуда, и дёру!!!

— Господи, помилуй! — перекрестились старушки.

Посидели молча, соображая. Ничего подходящего на ум не шло.

— Вот что, мать. Наливай-ка! — скомандовал Фомич. — Без пол-литра в этом деле никак не разберёшься.

Полина достала припасённый первачок, баба Глаша выставила на стол закуску...

— Говорила я, что бывает всякая нечисть, а вы не верили, — укоряла Тамарка.

— Так ведь... семьдесят годков тут живём, и ничего не было, — оправдывалась Полина.

— Для нечисти семьдесят лет ваших — тьфу! Они бессмертные. Пожили у одних лет сто, теперь у нас будут жить.

— Тоже сто лет? — сокрушалась баба Глаша.

Фомич хватанул ещё стаканчик для храбрости и решительно встал из-за стола.

— Пойду гляну, что за нечисть такая.

Его пытались отговорить, но куда там! В отдельные моменты старик бывал очень упрямым.

— Чем сто лет под страхом ходить, лучше разом покончить с этим делом. Или я его, или он меня!

Старик взял с собой берданку и фонарь. Тамарка, тоже «повторив», пошла следом — на всякий случай.

Их провожали как на войну, с причитаниями.

До бани дошли молча.

Уняв волнение в груди, Фомич стал подниматься по шаткой лесенке, ведущей на подловку. Забрался по грудь, в одной руке фонарь держит, в другой ружьишко.

— А ну вылазь, банщик хренов!

Пошуршало в сухих вениках... и уставились на Фомича из тьмы два круглых сверкающих глаза! Вскинул он ружьё, прицелился, но на крючок спусковой не нажал, смотрел, что будет дальше. А дальше зубки блеснули белоснежные, шипенье послышалось, сзади писк жалобный на разные голоса, шуршание в листве...

— Ах ты сволочь этакая! — весело воскликнул Фомич. — Чуть я грех из-за тебя не принял на старости лет.

Услышав мирный голос старика, снизу робко кашлянула Тамарка:

— Ты с кем говоришь, Семён Фомич?

— С чёрным банщиком, — хитро ответил дед, спускаясь по лесенке. — Хочешь посмотреть?

— Ещё чего!

— Да не бойся ты, трусиха, — ухмыльнулся старик и не стал больше мучить соседку, спросил: — У вас кошка пропадала?

— Пропадала...

— Чёрная?

— Чёрная... Молоденькая совсем...

— Ну вот. Была одна кошка, а теперь готовь лукошко!

Соседка похлопала глазами, догадалась — и бросилась к лестнице.

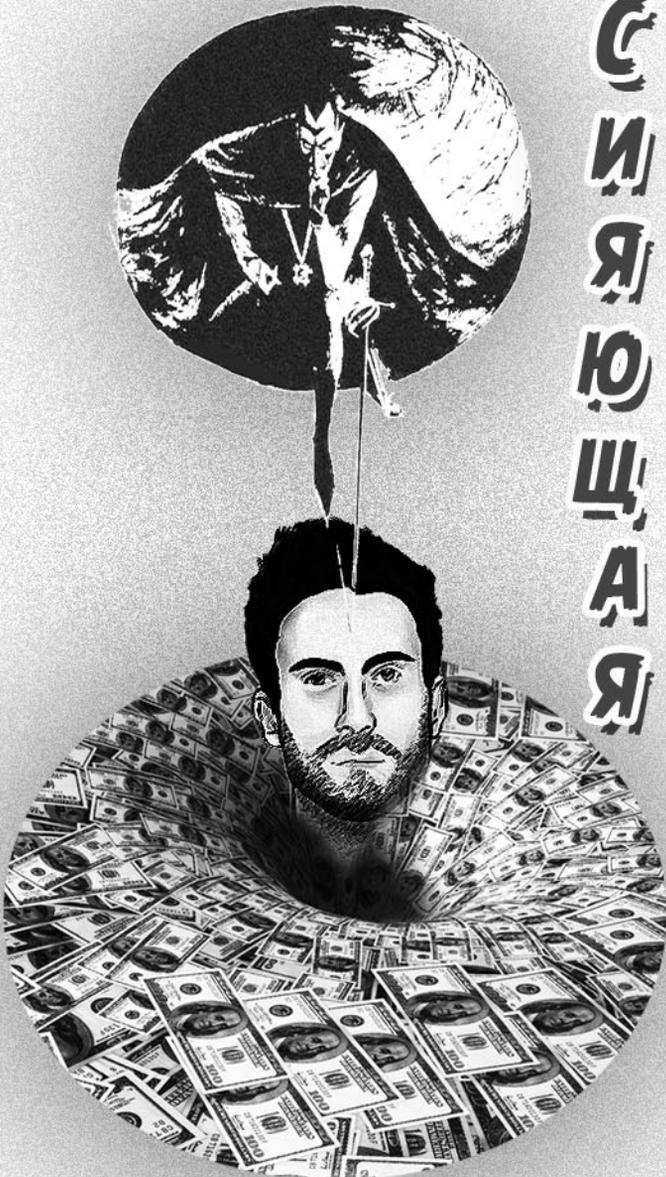
— Мурьнька моя, зараза ты этакая! — донеслось с подловки. — Да как же ты нас напугала, бродяжка чёртова! А уж Дениска как скучал без тебя! То-то обрадуется!..

Даже внизу слышно было, как громко мурлычет кошка под ласковой ладонью молодой хозяйки.

— Да с котятками... Сколько их у тебя?..

Фомич слушал воркование соседки и поглядывал на восток. Там, между небом и землёй, уже прорезывалась то-оненькая розовая полоска будущей зари.

«Значит, поживём ещё!» — весело подумал старик.

СИЯЮЩАЯ БЕЗДНА

рассказ

Тимофей вышел на улицу, влекомый жаждой. В кармане бренчала презренная медь. Ничего, кроме дешёвого пойла, она дать не могла.

На выходе постарался незаметно миновать сварливую вахтёршу, но старуха увидела его и ужалила в спину: «Ишь ты... пошёл, пощё-ё-ёл!.. За койку платить нечем, а на вино всегда найдёт!»

Друзья звали его коротко Тим. Но в последнее время и они стали сторониться; нищета — верный путь к одиночеству.

«Господи! Ну почему так несправедливо устроен мир? — думал студент, усаживаясь за стойку. — У кого-то подвалы ломятся от столетних вин, свои яхты, дворцы, счета в банках, а тут звенишь последними грошами в кармане, и никаких перспектив на лучшее. Нет, так дальше жить нельзя!»

Мрачно глядя в стакан, он вспомнил свои «хвосты» в академии, свою задолженность студенческой гостинице, долги друзьям, подругам — и понял всю ничёмность дальнейшего существования. «Застрелиться, что ли?.. Так нечем!»

Он допил всё, что было, и побрёл на выход.

«А ещё говорят, что у каждого есть свой ангел небесный, свой покровитель... Где же ты летаешь, дурацкий шестикрыл? — мысленно воскликнул он, подняв к ночному небу воспалённое лицо. — Совсем забыл свои обязанности?.. Ну и шут с тобой, пропади ты пропадом!»

Он погрозил небу кулаком, шагнул вперёд и, похоже, промахнулся, ступив мимо тротуара, потому что в следующее мгновение раздался резкий визг тормозов и бампер белого фургона свалил его на мостовую.

Первое, что Тим увидел, очнувшись, было опрокинутое лицо пожилого мужчины.

— Вы живы, молодой человек?.. Вы студент?..

— Студент, — ответил Тим плаксивым голосом: старики снисходительны к тем, кто напоминает им собственную юность.

— Простите, юноша, но вы сами сунулись под колёса моего авто... Есть свидетели...

— К черту свидетелей! — сказал он. — Пара бокалов вина...

— Конечно, мой друг! — поспешно ответил старик, и вместе с шофёром они помогли студенту забраться в машину.

— ...и стопка баксов помогут мне забыть наше недоразумение.

— Стопка — это сколько? — спросил незнакомец, в то время как его водитель резко послал машину вперёд.

— Ну... сколько не жалко бедному студенту, который теперь вряд ли скоро вернётся к занятиям. От этого удара у меня отшибло все мозги...

Старик ухмыльнулся:

— Однако работают они у вас в нужном направлении, юноша. Давно на мели?

— Позвольте, я отвечу вам старой байкой. У пьяницы спросили, почему его постоянно тянет к спиртному? «Потому что я всё время мёрзну», — сказал он. «И давно это с вами?» — «В роддоме», — ответил алкаш, — было ужасно холодно!»

Старик рассмеялся.

— Всё с вами ясно. Богато не жили... А хотелось бы?

Студент пожал плечами:

— Для бомжа под мостом и червонец — богатство. Я не бомж.

— Понятно... Ну а сотня червонцев — это тоже ещё не мечта?

— Годится.

— А бокал вина? — напомнил старик.

— Если вы будете так любезны...

Внутри фургон напоминал дорогую лабораторию: уютные кресла, столик под мрамор, какая-то аппаратура в нишах... Хозяин щёлкнул пультом, и стенки панели плавно разошлись, открыв взору премилый барчик в переливах света. В дорожных гнёздах бара стояли бутылки и бокалы, сверкающие хрустальными гранями.

— Однако! — усмехнулся Тим и тотчас пожалел, что запросил так мало: вкус вина был изумительным!

— Пейте, пейте, — подбодрил старик. — Пожалуй, и я с вами... Сегодня у меня особый день. День Фауста, я бы сказал!

Тимофей не стал переспрашивать, что это

значит. Старик был учёным, это ясно, а все учёные немножко чокнутые.

— Вам хотелось бы иметь классную машину, не правда ли? — неожиданно сменил тему старикан. — Пятьсот лошадей, салон-будуар...

— Что нужно сделать? — хрипло спросил Тим. — В киллеры я не гожусь, заявляю сразу. Зрение не то...

— Упаси бог! — весело отмахнулся старик. — Подарите мне немножко своей жизни, только и всего.

— То есть... пожить с вами? Вы сексуально озабочены?..

— Фи, какая гадость! — поморщился незнакомец. — Слышали вы что-нибудь о трансплантации времени?

— Н-ну... кое-что, — сказал студент, хотя, конечно же, ни черта подобного не слышал.

— Это очень просто. Вот смотрите...

Открылась ещё одна панель. Внутри оказался чёрный искрящийся шар; и чем больше глядел на него студент, тем глубже проникал в его мерцающие недра. Казалось, будто он мчится в неведомом пространстве, и скорость полёта возрастает с каждой минутой, но нет ни трепета, ни страха, а лишь один сплошной восторг и желание заглянуть в сияющую бездну всё глубже и глубже...

— Это модель нашей Вселенной, уменьшенная в миллиарды раз, — послышался голос старца: он смотрел в другой такой же шар. — Модель действующая: союз пространства и времени соблюден со всей точностью, на какую способна бессмертная мысль гения. Гений — это я.

«Сумасшедший, — понял студент. — Пожалуй, надо бы выйти, но он обещал мне энную сумму».

— Кстати, свои деньги вы уже заработали, — сказал старикан, будто подслушал. — Держите!

На колени упала пачка баксов. Купюры были не крупными, не новыми — такие редко бывают поддельными.

Тим спрятал их в карман не считая. «Всё-таки есть, есть у меня свой ангел-хранитель! Стоило слегка пожурить лентяя, как тут же подфартило!»

— Ну так как насчёт машины? — спросил старик-искуситель. — Все девицы будут ваши!

Студент почесал в затылке.

— Это больно?

— Ничего подобного. Вы разве чувствовали боль, глядя в этот шар? Скорее наоборот.

— А что?.. Уже?!

— Да, я взял у тебя пару лет. Очень надо было, понимаешь?

Сумасшедший говорил так буднично и просто, словно речь шла о мелочи из кармана.

— А как я получу свой лимузин?

— Он стоит... вот столько, — старик извлёк из кармана пластик, сунул его в щель автомобильного банкомата (есть, оказывается, и такие), который высветил на мониторе кругленькую сумму.

— Валяй! — махнул рукой студент, скрывая улыбку: будет над чем посмеяться с друзьями.

— Прекрасно, смотрим дальше.

Теперь, когда Тим уже знал о чудачестве старика, ему было весело глядеть в этот переливчатый шар, действительно похожий на скопище звёзд в бесконечном пространстве. Искры-звёзды пронеслись мимо с непостижимой скоростью.

— Пространство ощущаю, а где же время? — с иронией спросил студент.

— Его ни увидеть, ни ощутить никак нельзя. Но вспомните теорию относительности и всё поймёте, — сказал чудак, не догадываясь, что студент благополучно прогулял лекции об Эйнштейне, как и многие другие тоже.

На мониторе высветилась крупная сумма, и пластиковая карточка переключалась в карман молодого человека.

— Ну вот и всё! — сказал старик повеселевшим голосом. — Куда вас подвезти, юноша?

— Всё? — разочаровался Тим. — Где же я буду ставить свой роллс-ройс или что вы там мне подарили? Живу я в таком воровском квартале, что наутро от машины и гайки не останется.

— А где бы вы хотели жить?

— На побережье, в собственной вилле! — задорно ответил студент.

— Хорошо, но это стоит дороже.

— Валяй!

Через час Тимофей стал обладателем виллы на взморье, собственной яхты, просторной квартиры в городе и десятка прочих пластиков, рассованных по всем его карманам. «Пусть потешится старик, — веселился студент, то и дело навещая переливчатый бар. — А я выпью на дармовщинку!»

Занимался рассвет.

— Ну, теперь вези меня домой, старый хрыч! — пьяно махнул рукой студент. — Ужасно спать хочется.

Они давно уже перешли на «ты» и были запанибрата.

— Не старше тебя, приятель, — прищурился старик.

Теперь, в свете разгоравшейся зари, Тим с удивлением обнаружил, что незнакомец не так уж стар, как показалось с первого взгляда. Ему было лет сорок-сорок пять, не больше. Рядом сидел спортивного вида мужчина приятной внешности и откровенно любовался собой в зеркале заднего вида.

— Извини, обознался, — виновато сказал студент. — Ночью ты смотрелся лет на семьдесят...

— Семьдесят семь, — поправил его мужчина. — Ты тоже казался другим, извини, приятель. Договор есть договор. Зато сейчас ты богат, как Крёз! А миллионы на дороге не валяются.

«Всё-таки сумасшедший!» — с грустью подумал Тимофей, выходя из машины у подъезда студенческой гостиницы.

— Пока!

Ночная пьянка его ужасно утомила: студент с трудом открыл тяжёлую входную дверь. Плохо держали ноги. «А крепким было вино у этого чудика!» — подумал он.

— Эй, вы к кому? — окликнула его всё та же консьержка.

— К себе, бабуля, к себе. И не надо поднимать шум оттого, что я пришёл слишком поздно... Или слишком рано?.. Всё в мире относительно! — усмехнулся он. — Я зарабатывал деньги, чтобы отдать за ваш чёртов номер. Вот они!

Студент вытащил из кармана пачку денег и потряс ею перед носом испуганной старухи.

Его рука, всегда такая пухлая и гладкая, сейчас казалась чужой: морщинистой, с набухшими венами и тёмными пигментными пятнами — верным признаком наступающей старости.

ХОЛМОГОР

Рождественский рассказ

На краю села Нырково раскинулся бывший барский пруд – широкий, илистый, поросший вдоль берегов камышом, кувшинками, ряской и прочей мокрой зеленью. В центре – большое водное пространство, на котором мелькают золотые и серебряные искры, оставляя после себя расходящиеся круги. То караси и рыба мелочь, которой здесь превеликое множество, спасаются от щуки или окуня.

С утра до ночи на пруду плавают, ныряют, крикают, гогочут домашние утки и гуси.

С приближением зимы, однако, редуют птичьи стаи. Хозяйки оставляют на племя лишь маток, крепких производителей да ещё, до Рождества, молодых гусаков. В последнее время в городах возобновилась мода на рождественского гуся, запеченного с яблоками, и перекупщики тут же надбавили цену за зимнюю птицу.

– На городском рынке такой гусь вдвое дороже стоит, – ворчат сельяне.

– Сами виноваты, – огрызаются заготовители. – Вы поглядите на своих доходяг. Разве таким должен быть рождественский гусь? Он должен быть жирным, толстым, как поросёнок, – вот тогда его с руками оторвут.

– Кто гусей покупает, за границей бывает, – поддакивает напарник. – Там что делают? За месяц до Рождества подвешивают гуся в сетку и кормят горохом, яблоками, орехами. Насильно в рот толкают!

– Орехи-то зачем? – недоумевают нырковцы. – Чтобы мясо было вкусней, деревня! До того нежные становятся гуси – пальчики оближешь! А разговор был за месяц с небольшим до Рождества.

– И почему ты купишь у меня такого гуся? – вылез вперёд дед Смычка.

– Насчёт цены разговор особый, – хитрили заготовители. – Но ты прикинь, дед, каким тяжёлым станет твой гусь! Вдвое подрастёт за месяц.

– От неподвижности и доброй пищи любой разъестся как боров, – поддакивал его толстый напарник.

Легко и быстро загорался новыми идеями дед Смычка, а потому, придя домой, тут же разыскал три старых сетки из-под картошки и начал их прилаживать под потолком птичника.

– Ты чего опять затеял? – подозрительно спросила жена (боком иногда выходили чудачества мужа).

– Молчи, глупая! – ошетинился дед. – По научному методу будем откармливать гусей.

– Это как же?

– Очень просто. Им что нужно для сытости?

– Известно что – корм.

– «Корм»! – передразнил старик. – А они нажрут и бегают сломя голову, изничтожают калории. Недвижность нужна гусю, ясно тебе? Весь Запад так делает.

Баба Шура промолчала. Авторитет ли Запада сказался или очередная авантюра мужа не показалась слишком рискованной, но на трёх гусей мысленно согласилась.

– Кормить сам будешь, – сказала, выходя.

Старик облегчённо вздохнул (в новых проектах самым трудным был период согласования сторон) и принялся за дело.

Вскоре три сетки с гусаками качались под потолком. Старику при этом крепко досталось от испуганных птиц, но энтузиазм мирил с невзгодами.

– Погодите, черти! Я вам покажу, как драться, – говорил дед Смычка, потирая щипанные места. – Закормлю, чертеняки!

Гуси ворочались в своих путах, всё пытались вырваться, взлететь, но сетки удерживали, как смиренные рубашки, и только головы на длинных шеях были свободны.

Старик сбегал домой, принёс миску молока с

кусками белого хлеба, но даже такое лакомство не стали есть пленники эксперимента.

— Глупые вы создания, — вздохнул дед Смычка. — Для вашей же пользы делается. Через месяц будете толстыми, как кадушки.

На другой день гусаки уже меньше дёргались и с аппетитом склевывали всё, что принес им старик.

— То-то же! — торжествовал экспериментатор. — Голод не тётка.

Дед самолично варил своим гусям горох и пшеничную полбу, сдабривал кашу маслом, всяческой зеленью, рыбьими потрохами. Шёл Рождественский пост, мясо не ели, а рыбкой старик промышлял регулярно; все отходы шли его гусям.

Баба Шура сбивала масло, творог пахтала, и потому в доме было много обрата, сыворотки; — они тоже отливались тайком для экспериментальных гусей. Супруга замечала, конечно, но ничего не говорила: не из дома тащит — в дом. Да и гуси дедовские, сказать по совести, росли как на дрожжах.

Гуси действительно толстели не по дням, а по часам. С непривычки они шалели от невиданных ранее деликатесов, глотали жадно, как привыкли это делать на свободе, пока другие не отняли, но даже тогда, когда наедались досыта, дед впихивал им в глотки всё новые и новые порции. Скованные в движении, гуси и вырваться не могли, и отбиться от назойливого кормача тоже.

Чтобы не забыть, какому гусю он уже набил глотку, какому нет, старик всем дал клички. Одного звал Серым, другого Шипупом, а третьего, холмогорской породы, Крутолобым.

— Ну, Крутолобый, давай сюда свою шею. Ого! Да у тебя и шея, брат, всё толще становится. Погодите, что будет, когда взвешат вас приёмщики. Всё село ахнет!

...Картофельные сетки были далеко не новыми. Да и взял старик для экономии самые дряхлые...

Однажды ночью Крутолобый почувствовал, как невидимые пути, на которых он сидел весь последний месяц, начинают расходиться, проваливаться вниз. Ноги его торчали наружу, он энергично заработал ими, пытаясь предотвратить катастрофу, но только ускорил её.

Ветхие нити окончательно порвались, и гусь выпал из тесного гнезда, как спелый каштан из дряблой оболочки.

По счастью, птичник был невысок, гуси висели в метре от пола, а пол укрывала солома, поэтому падение оказалось мягким. Вместе с тем холмогор поднялся с трудом и стоял, качаясь, как пьяный. Ослабшие от неподвижности ноги едва держали его грузное, ожиревшее тело.

Ранним утром хозяйка, как всегда, накормила птицу скромным завтраком из сечки пополам с половой и сенной трухой, а затем открыла дверцу птичника. Куры, гуси, утки одна за другой повыскакивали на свежий воздух.

Крутолобый с трудом доковылял до проёма и еле-еле протиснулся в него, хотя месяц назад пролетал пулей.

От белого снега и морозного воздуха у него перехватило дыхание. Он хотел, как прежде, пропеть гимн новому дню, но из горла вырвался лишь сиплый хрип, а не задорное гоготание молодого гусака. Даже глотка подопытной птицы заплыла жиром.

Есть гусак не хотел и с великой тоской глядел вдаль, на знакомый с детства пруд. Среди заснеженного ледяного поля виднелся серый круг чистой воды и притягивал Крутолобого как магнит.

Зима запоздала в этом году, весь декабрь лёгкие морозы сменялись оттепелями, вот и осталась полынья посреди пруда — там, где били со дна подземные источники.

Гусь встал и пошёл. С каждым шагом сил становилось всё больше. Доброе питание давало о себе знать.

Тут послышался из птичника обеспокоенный голос старика: обнаружил пропажу. Крутолобый заметался по двору, замахал мощными крыльями и возле самой ограды, разбежавшись, перевалил невысокий сугробчик, прикрывавший верхнюю жердь.

Дорога к пруду спускалась под уклон; холмогор съехал по нему на собственном животе до самого льда и пошёл, переваливаясь, к заветной чистой воде.

— Стой, паразит! — пыхтел сзади дед Смычка, но добежал до пруда и остановился: тонким был лёд, ненадёжным. — Вертайся назад, вражина! Кому говорят?!

Крутолобый и головы не повернул. Он добрался до полыньи и с победным гогогом плюхнулся в воду.

— Я т-тебя! — погрозил кулаком дед Смычка, оглянувшись по сторонам и потрусил домой. Увидят соседи — засмеют.

Через час, однако, наложив в миску гороха и полбы, щедро украсив блюдо капустными листьями, дед снова спустился к пруду и ласково позвал:

— Тега, тега! Иди ко мне, мой хороший. Гляди, какая вкуснятина.

Холмогор плавал возле ближней кромки льда, но, заслышав голос тюремщика, решительно погрёб на середину полыньи.

— Ну, шельма, гляди у меня! Проголодаешься, сам прибежишь.

Гордый гусь повернулся к хозяину задом.

В открытом пруду и зимой есть чем поживиться. Холмогор отыскал знакомое мелководье, нырял и наслаждался забытым вкусом водорослей, придонной мелкой живности, а иногда и рыбки, не успевшей ускользнуть от хваткого клюва.

Под вечер приходила сама хозяйка звать упрямого гуся, но и к ней он не пошёл. Так и остался ночевать на пруду.

По большим праздникам село Нырково становится многолюдным. Съезжается молодёжь, промышленявшая шабашками в Москве или Питере, привозит старикам богатые подарки и сама не прочь пустить пыль в глаза: знай наших! Особо любит запускать пиротехнику под Новый год.

Крутолобый уютно устроился в центре полыньи: ни люди его здесь не достанут, ни лиса. Толстый слой подкожного жира, тёплый пух и плотные перья делали откормленную птицу совершенно нечувствительной к холоду.

Гусь засунул голову под крыло, прижал к животу лапы и лишь чуть-чуть пошевеливал ими, чтобы не снесло во тьме к краю полыньи. Никто не учил его искусству «ночной навигации», но даже в сонном забытии гусь инстинктивно держался в самом безопасном месте. Миллионы поколений серых гусей, прародителей холмогора, передали ему эту науку по наследству.

Крутолобый сладко спал, когда над селом взвилась первая ракета, озарив всё вокруг удивительным пурпурным светом. Раздался хлопок, гусь испуганно вскинулся и увидел, как вторая яркая звезда взлетела в тёмное небо и стала опускаться, разбрасывая вокруг себя изумрудно-зелёные искры. Третья была золотистой, четвёртая голубой, а потом в небе вспыхнул целый букет разноцветных сверкающих звёзд.

Бедный гусь метался по воде, ему казалось, что все они падают на него, и это было отчасти правдой: молодежь нашла, что запускать ракеты над водой гораздо интереснее: они отражаются в ней, удваивая эффект иллюминации...

Крутолобый оказался в эпицентре событий и всеобщего внимания.

— Смотрите, смотрите, лебедь! — кричала подвыпившая молодёжь.

— Сама ты лебедь. Это гусь.

— Дикий гусь?

— Ну а какой же? Домашние все по домам.

— А давайте поймаем его, братцы!

— Ага... Попробуй доберись до него.

— У меня ружьё...

— И как ты его потом достанешь?

— Собаку надо охотничью.

— У моих предков спаниель...

— Ну и тащи её сюда. А я гуся грохну.

— Перестаньте, ребята. Как вам не стыдно?

— Ему и так холодно, а вы как бандиты с большой дороги...

Чудом пережил новогоднюю ночь Крутолобый, девичья доброта спасла его.

Лишь под утро, измученный и обессиленный, забылся холмогор тяжёлым сном. Ему снились золотые колючие звёзды, обступившие его со всех сторон.

Проснулся гусак и ужаснулся: со всех сторон его окружал полупрозрачный колючий лёд. Предутренний мороз делал своё дело.

Заметался Крутолобый, разбивая лёд своим тяжёлым телом, но мороз крепчал, и чистая вода на глазах покрывалась тонкой ледяной корочкой, которая с каждой минутой становилась всё толще.

Оставалось одно: замерзнуть.

— Ну что, откормил гусей? — с издёвкой спрашивала баба Шура своего непутёвого супруга.

— А ты или не видишь, какие каплуны висят?

— Вижу. Брал трёх, а висят два.

— Третий вон он — плавает.

— Так достань!

Старик чесал в затылке.

— Нешто к Бирюковым сходить? У них лодка есть...

В дверь постучали, вошёл соседский парень Димка, а с ним его молодая жена, москвичка.

— С Новым годом! — сказали разом.

— И вам счастья, гости дорогие. Не желаете к столу?

— Нет, спасибо, баба Шура. Дело у нас к вам.

— Что ж за дело?

— Продайте гуся.

— Это какого?

— А который в пруду плавает.

Дед Смычка опять вперёд вылез:

— И сколько ж вы дадите за моего красавца?

Имейте в виду: по особой методе выращен.

— Слыхали, дедушка... Вот вам тысяча. Хватит, нет?

У стариков глаза заблестели.

— Хватит-хватит, — сказала бабка и денежки забрала. — Только как же вы его достанете?

— Это наше дело, бабуля.

На воду спустили деревянную плоскодонку, она легко ломала неокрепший лёд, и вскоре

гусь-холмогор уже барахтался в большом рыболовном сачке.

Друзья поздравляли спасателей:

— Знатный гусь! Не прогадали.

— Зажарите на Рождество — всей компании хватит.

— Не для того спасали, чтобы съесть, — отрезала юная москвичка и повернулась к супругу.

— Я его твоей маме подарю, можно?

— Твоя воля.

Пришла весна.

Крутолобый живёт сегодня у доброй весёлой хозяйки и является жоаком гусиной стаи. Крупнее и сильнее его нет гусака во всем селе. Шесть белоснежных гусынь его гарема одна за одной несут крупные серые яйца и тут же садятся на них, чтобы вывести к сроку жёлтых пушистых гусят.

Придёт день, и гордый холмогор поведёт своё семейство на пруд. Будет весна, яркое солнышко согреет его малышей, зелёная лужайка даст пищу, а воды старого пруда подхватят и понесут его семейство в солнечное лето.

□

Юрий Александрович КУЗНЕЦОВ (псевд. — Юрий АРБЕКОВ)

родился в 1949 году в Перми.

Поэт, прозаик, драматург, журналист.

Пишет для взрослых и детей.

Автор тридцати книг прозы, поэзии, драматургии.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Сельская молодёжь», «Московский Парнас», «Алтай»,

«Литературный меридиан», «Сура», в «Литературной газете» и мн. др.

Лауреат литературных премий им. М.Ю. Лермонтова,

Карпинского, премии журнала «Сура» и др.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Живет в Пензе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

